
Арина Вольская
Развод.
Не кричи!
Ты уже не дома.

Арина Вольская

Развод: Не кричи, ты уже не дома!

https://litres.ru/74790522

Аннотация

— А велосипед я тогда заберу! — рявкнул мой бывший муж и схватился за руль подарка, который только что вручил нашей восьмилетней внучке. Полина расплакалась, а он продолжал кричать, требуя от всех уважения.

Тридцать два года я прожила с Петром. Тридцать два года терпела его унизительные замечания, вспышки гнева и бесконечные требования замолчать. Я прощала, уступала, оправдывала его перед дочерью и верила, что ради семьи нужно потерпеть.

Но когда от собственного дедушки начала плакать моя внучка, я поняла: хватит!

В пятьдесят пять лет я подала на развод. Муж смеялся мне в лицо, уверенный, что я не справлюсь без него и обязательно приползу обратно.

Вот только он просчитался.

Теперь у меня своя жизнь, а наша взрослая дочь больше не собирается защищать отца от последствий его поступков.

И когда Пётр в очередной раз приказал мне закрыть рот, я ответила так, что он навсегда запомнил этот день.

Но самое страшное для него началось потом…

Содержание

ГЛАВА 1. ПРАЗДНИК, КОТОРОГО ИСПУГАЛАСЬ ПОЛИНА 5
ГЛАВА 2. ИЗВИНЯЙСЯ ПЕРЕД ВСЕМИ 39
ГЛАВА 3. НЕДЕЛЯ МОЛЧАНИЯ 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

ГЛАВА 1. ПРАЗДНИК, КОТОРОГО ИСПУГАЛАСЬ ПОЛИНА

В воскресенье Лидия Каменева проснулась раньше обычного, хотя накануне собиралась наконец выспаться после напряжённой рабочей недели. За окном стояло прохладное октябрьское утро, на деревьях во дворе ещё держались жёлтые листья, и в открытое окно тянуло сыростью после ночного дождя. Лидия некоторое время лежала, прислушиваясь к ровному дыханию мужа, затем осторожно поднялась и отправилась на кухню. Сегодня они собирались к Олесе, и ей хотелось испечь пирог, который дочь любила ещё с детства. Конечно, можно было купить что-нибудь готовое, как неоднократно предлагал Пётр, но Лидия любила приезжать к дочери не с пустыми руками. Особенно приятно было наблюдать, как Полина заглядывала в принесённую бабушкой сумку, заранее уверенная, что там обязательно найдётся что-нибудь вкусное.

Пирог получился удачным, с румяной корочкой и яблочной начинкой, которую Лидия приготовила ещё вечером. Пока он остывал, женщина успела привести кухню в порядок, позавтракать и проверить, на месте ли подарок для внучки. Накануне она купила Полине большой набор для

рисования, с цветными карандашами, фломастерами и альбомом в плотной обложке. Девочка в последнее время почти всё свободное время проводила за рисунками, и Лидия с удовольствием поддерживала её увлечение. Сама она не слишком хорошо рисовала, зато могла часами рассматривать придуманные внучкой домики, цветы и удивительных животных, выслушивая подробные объяснения, кто где живёт и почему у нарисованной кошки зелёные уши. Порой ей казалось, что за подобными разговорами она отдыхает лучше, чем за целый выходной, проведённый дома.

Пётр вышел из спальни около девяти, когда жена уже собиралась убрать пирог в специальную коробку. Он остановился в дверях кухни, потянулся и посмотрел на часы, висевшие над холодильником. В последние месяцы муж всё чаще вставал с недовольным лицом, словно ещё до завтрака успевал найти причину для раздражения, но сегодня настроение у него оказалось вполне хорошим. Он даже подошёл к жене, заглянул в коробку и с удовольствием вдохнул запах выпечки.

— Опять Олеся свой любимый пирог получит, — заметил Пётр, усаживаясь за стол. — Ты бы хоть мне кусочек оставила, а то всё детям да детям. Я, между прочим, тоже не отказываюсь от хорошей выпечки.

— Так мы же вместе его и съедим, — ответила Лидия, наливая мужу кофе. — И тебе достанется, и Олесе, и Полине. Я специально побольше сделала, чтобы они ещё на вечер

оставили. А если хочешь, в следующий выходной испеку такой же для нас.

Пётр удовлетворённо кивнул и принялся завтракать. Лидия с облегчением заметила, что он не стал придираться ни к крепости кофе, ни к тому, что она слишком рано начала хлопотать на кухне. Подобные замечания в последнее время случались настолько часто, что женщина уже невольно ожидала их даже в совершенно спокойные дни. Ей самой не нравилась эта привычка, особенно потому, что прежде семейные утра проходили совсем иначе. Когда-то Пётр любил вставать по воскресеньям вместе с ней, помогал готовить завтрак и строил планы на день. Теперь он чаще всего предпочитал сидеть перед телевизором, а любое предложение куда-нибудь выбраться встречал вопросом, почему ему нельзя спокойно отдохнуть в собственном доме.

— Денис-то сегодня дома будет? — поинтересовался муж, отодвигая пустую чашку. — А то в прошлый раз приехали, он опять куда-то уехал. Всё у них какие-то дела, никак не соберёшься всей семьёй.

— Будет, конечно. Олеся специально на воскресенье пригласила, — ответила Лидия, закрывая коробку с пирогом. — Она ещё в четверг звонила, ты сам слышал. И Полина нас ждёт, уже два раза спрашивала, во сколько приедем.

— Ну и хорошо, — одобрил Пётр, поднимаясь из-за стола. — Надо чаще собираться. А то живём в одном городе, а видимся как родственники из разных областей. Я Денису

давно обещал про полки рассказать, может, сегодня наконец посмотрим, что он там придумал.

Лидия улыбнулась и отправилась собираться. Ей было приятно слышать от мужа подобные слова, потому что отношения с зятем в последнее время тоже складывались непросто. Денис никогда не спорил с Петром без необходимости, но и не проявлял того почтения, которого тесть ожидал от молодых людей. Муж иногда жаловался, что Олеся выбрала слишком мягкого человека, который позволяет жене самостоятельно принимать решения. Лидия считала подобные замечания несправедливыми, поскольку Денис хорошо относился к дочери, заботился о ребёнке и не уклонялся от домашних обязанностей. Однако обсуждать это с Петром она старалась как можно реже, зная, что муж неизменно воспринимал защиту зятя как критику самого себя.

Около полудня супруги вышли из дома. Пётр сам отнёс к машине коробку с пирогом, аккуратно поставил её на заднее сиденье и поинтересовался, не забыли ли подарок для Полины. Лидия ответила, что всё на месте, и устроилась рядом с мужем. По дороге они разговаривали о предстоящей неделе, о погоде и о том, что в следующем месяце надо бы съездить за город, пока окончательно не наступили холода. Пётр даже вспомнил одну из их давних поездок, когда маленькая Олеся устроила настоящий скандал из-за потерянной варежки, а потом выяснилось, что всё это время держала её в кармане куртки. Лидия рассмеялась, вспомнив, как муж тогда полча-

са искал варежку в снегу, а дочь стояла рядом и давала ему советы. Пётр тоже улыбнулся, и на несколько минут они снова разговаривали так легко, как умели когда-то, задолго до появления постоянных обид и раздражения.

Олеся открыла дверь почти сразу после звонка. Она была в домашнем платье, с собранными на затылке волосами и слегка раскрасневшимся лицом, словно только что закончила что-то готовить. Увидев родителей, женщина обрадованно улыбнулась и шагнула навстречу матери, принимая у неё сумку. Из комнаты уже доносился звонкий голос Полины, которая, услышав знакомые голоса, бросила свои занятия и побежала в прихожую.

— Бабушка! — воскликнула девочка, обхватывая Лидию за талию. — А я тебя ждала! Я нарисовала такую картину, ты даже не представляешь. Только там ещё не всё готово, я тебе потом покажу. А вы надолго приехали?

— На весь день, если не выгонишь, — засмеялась Лидия, наклоняясь к внучке. — Дай хоть раздеться сначала, художница моя. И дедушку поздоровай, он тоже к тебе приехал.

Полина тут же повернулась к Петру и обняла его. Мужчина довольно улыбнулся, поднял внучку на руки и поинтересовался, хорошо ли она учится. Девочка принялась рассказывать о школьных заданиях, о том, что учительница похвалила её рисунок, и о новой подружке, с которой они теперь сидели за одной партой. Пётр слушал внимательно, несколько раз задавал вопросы и даже похвалил внучку за старание.

Лидия наблюдала за ними с удовольствием. В такие моменты ей особенно хотелось верить, что муж по-прежнему остаётся тем самым добрым и заботливым человеком, которого она полюбила много лет назад.

Денис вышел из комнаты, поздоровался с гостями и предложил Петру посмотреть полки, которые собирался установить в детской. Мужчины отправились туда вместе, а Лидия прошла на кухню вслед за дочерью. Олеся уже накрыла стол, на плите стояла кастрюля с супом, а в духовке доходило мясо с картофелем. Лидия огляделась, заметила нарезанные овощи и довольно улыбнулась, увидев, сколько всего дочь успела приготовить.

— Ты чего столько наготовила? — спросила она, ставя коробку с пирогом на свободный участок стола. — Мы же не на неделю приехали. Я тебе ещё вчера говорила, чтобы не устраивала большой готовки, посидим и без этого прекрасно.

— Мам, ну какой большой готовки? — отмахнулась Олеся, доставая тарелки. — Суп с утра сварила, мясо само в духовке стоит. А вы редко приезжаете, хочется нормально посидеть. Полина с пятницы спрашивает, когда бабушка приедет, всё рисунок свой прячет, чтобы раньше времени не показать.

Лидия помогла дочери расставить посуду и вдруг заметила, как та несколько раз посмотрела в сторону коридора, прислушиваясь к голосам мужчин. Пётр громко объяснял Дени-

су, что полки необходимо крепить иначе, поскольку выбранный способ ему совершенно не нравится. Денис отвечал спокойно, не споря по пустякам, однако по его интонации было понятно, что менять свои планы он не собирается. Олеся вздохнула и потянулась за салфетками.

— Только бы папа сегодня не начал, — негромко сказала она, поправляя приборы. — Денис сам всё уже решил, а папа сейчас опять будет объяснять, что он ничего не понимает. Я ему говорила, чтобы полки потом показал, но он же обязательно должен был сейчас.

— Может, и обойдётся, — ответила Лидия, хотя сама прекрасно понимала опасения дочери. — Пётр сегодня в хорошем настроении. Дорогу всю шутил, даже про нашу старую поездку вспомнил. Не будем заранее неприятностей ждать.

Олеся ничего не ответила, но по её лицу было видно, что слова матери не слишком убедили её. Через несколько минут мужчины вернулись из комнаты, и Пётр принялся рассказывать, что Денис выбрал совершенно неподходящий способ размещения полок. Зять спокойно объяснил, почему ему удобнее именно такой вариант, после чего предложил оставить разговор до следующей недели. Пётр хотел было продолжить, но Полина подбежала к нему с альбомом, и внимание мужчины переключилось на внучку. Лидия облегчённо заметила, что неприятного спора удалось избежать, и предложила всем садиться за стол.

Первые полчаса обед проходил вполне приятно. Пётр рас-

сказывал о работе, Денис делился новостями, Олеся расспрашивала мать о предстоящих занятиях в центре, где та работала методистом. Полина время от времени вмешивалась в разговор, рассказывая о школьных событиях, и взрослые с удовольствием слушали её подробные объяснения. Лидия чувствовала себя счастливой, наблюдая за дочерью, которая уже давно стала самостоятельной женщиной, и за внучкой, так похожей на маленькую Олесю. Ей нравилось сидеть за большим столом, видеть рядом всех близких людей и не думать хотя бы несколько часов о домашних заботах. Даже Пётр, обычно любивший распоряжаться разговором, поначалу не пытался никого перебивать.

Первое неприятное замечание прозвучало совершенно неожиданно. Олеся разлила суп по тарелкам, поставила перед отцом хлебницу и предложила добавить сметану. Пётр попробовал несколько ложек, затем отложил ложку и недовольно посмотрел на дочь. Лидия сразу заметила перемену в его лице, поскольку слишком хорошо знала это выражение.

— Олеся, у тебя суп почему такой холодный? — спросил Пётр, слегка отодвигая тарелку. — Я понимаю, что вы тут все привыкли кое-как обедать, но можно ведь хотя бы горячее нормально подать. Я же не из холодильника его есть приехал.

— Пап, он только что на плите стоял, — удивилась Олеся, осторожно трогая свою тарелку. — Может, тебе подогреть отдельно? Мне кажется, вполне горячий. Я Полине специально немного остудила, чтобы не обожглась.

— Вот именно, что тебе кажется, — ответил Пётр, вновь берясь за ложку. — А я говорю, что холодный. Не надо мне объяснять, какой он должен быть. Если человек замечание сделал, можно просто принять к сведению.

Лидия почувствовала знакомое раздражение. Она сама попробовала суп и убедилась, что он достаточно горячий, однако прекрасно понимала, что спорить из-за температуры блюда совершенно бессмысленно. Пётр давно привык считать любое замечание, сделанное им за семейным столом, справедливым, а возражения воспринимал как попытку выставить его придирчивым человеком. Женщина решила не обращать внимания на его слова и спросила Полину, какие занятия ей больше всего нравятся в школе. Девочка с удовольствием начала рассказывать, а Олеся молча поднялась, взяла тарелку отца и отправилась подогревать суп.

— Вот видишь, ничего сложного, — довольно заметил Пётр, когда дочь вернула ему тарелку. — Не понимаю, зачем было спорить. Я ведь не ругаюсь, просто сказал, как лучше. У человека должна быть привычка нормально делать даже самые простые вещи.

Лидия хотела возразить, что никто и не спорил, но Олеся быстро посмотрела на неё и едва заметно покачала головой. Женщина с досадой опустила глаза к собственной тарелке. Ей стало неприятно, что дочь вынуждена была вставать из-за стола и исправлять недостаток, которого, по существу, не было. Однако разрушать приятный семейный обед из-за оче-

редного замечания мужа Лидия тоже не хотела. Она продолжила разговор с внучкой, надеясь, что Пётр уже получил желаемое и больше ни к чему придираться не станет.

Некоторое время всё действительно шло спокойно. Полина рассказала о школьном конкурсе рисунков, Денис вспомнил забавный случай с работы, а Олеся принесла мясо с картофелем. Пётр похвалил приготовленное блюдо, чем заметно обрадовал дочь, однако вскоре его внимание снова переключилось на внучку. Девочка закончила обедать раньше остальных и начала нетерпеливо поглядывать в сторону комнаты, где оставила новый рисунок. Лидия заметила её беспокойство и улыбнулась, понимая, что Полине очень хочется поскорее показать бабушке своё произведение.

— Бабушка, а можно я сейчас принесу картину? — спросила девочка, отодвигая пустую тарелку. — Я там ещё вчера всё закончила, только маме не показывала. Ты же обещала посмотреть, когда приедешь. Я быстро, мне только из комнаты взять.

— Конечно, солнышко, — ответила Лидия, но тут же заметила недовольный взгляд мужа. — Только давай чуть позже, когда все доедят. Я тогда спокойно посмотрю, а то сейчас за столом неудобно.

Полина уже собиралась согласиться, но Пётр неожиданно отложил вилку и нахмурился. Он посмотрел сначала на внучку, затем на Олесю, словно именно в этот момент обнаружил ещё один серьёзный недостаток в её воспитании.

Девочка замерла, не понимая, чем вызвала недовольство дедушки.

— А почему она вообще спрашивает, можно ли встать? — произнёс Пётр, обращаясь к дочери. — У вас что, ребёнок сам решает, когда ему обед заканчивать? В моём детстве никто из-за стола не уходил, пока взрослые не разрешат. И ничего, выросли нормальными людьми.

— Пап, она же поела, — осторожно ответила Олеся, поглядывая на Полину. — У неё пустая тарелка, пусть идёт. Мы ещё мясо доедаем, а ей необязательно всё это время сидеть. Она и так молодец, весь обед с нами просидела.

— А я говорю, что должна сидеть, — возразил Пётр, повышая голос. — Вы слишком многое ей позволяете. Потом удивляетесь, почему дети никого не слушаются. Сегодня она из-за стола без разрешения бегает, завтра вообще перестанет считаться со взрослыми.

Лидия почувствовала, как у неё неприятно сжалось внутри. Она посмотрела на Полину, которая сразу перестала улыбаться и осторожно придвинула к себе пустую тарелку, словно собиралась снова начать есть. Денис тоже заметил перемену в поведении дочери и отложил вилку. Лидия уже хотела попросить мужа оставить ребёнка в покое, но зять опередил её.

— Пётр Иванович, ничего страшного, если Полина пойдёт поиграет, — спокойно сказал Денис. — Мы ей разрешаем вставать, когда она закончила обедать. Тем более она дома,

чего ей сидеть и ждать, пока мы разговариваем? Пусть лучше рисунок принесёт.

Пётр медленно повернул голову к зятю. Лидия хорошо знала этот взгляд и сразу поняла, что муж воспринял совершенно безобидные слова как вызов. Он не любил, когда Денис возражал ему, особенно при Олесе, поскольку считал, что зять должен прислушиваться к советам старших. Пётр некоторое время молчал, затем взял вилку и с подчеркнутым спокойствием ответил, что раз родители считают подобное воспитание правильным, то ему остаётся только наблюдать за результатами. Олеся поспешно предложила Полине посидеть ещё немного, а девочка без возражений придвинула стул ближе к столу.

— Олеся, ну зачем ты её держишь? — не выдержала Лидия, обращаясь к дочери. — Она уже поела, пусть идёт. Ничего страшного не случится, если ребёнок принесёт рисунок. Мы ведь не на официальном приёме сидим.

— Мам, ну пожалуйста, — тихо ответила Олеся, и в её голосе прозвучала такая усталость, что Лидия невольно замолчала. — Полина немного посидит, потом пойдёт. Не надо из-за этого спорить, хорошо? Мы же нормально обедаем.

Пётр удовлетворённо кивнул и продолжил есть, словно разговор был окончательно завершён. Однако прежнего оживления за столом уже не осталось. Денис некоторое время пытался рассказать о предстоящей поездке с семьёй за город, но отвечали ему неохотно. Полина сидела очень пря-

мо, положив руки на колени, и больше не спрашивала разрешения выйти из-за стола. Лидия смотрела на внучку и чувствовала нарастающее раздражение, которое уже трудно было скрывать. Ей было неприятно не только поведение мужа, но и то, как быстро дочь поддалась его требованиям. Впрочем, Олеся и сама выглядела расстроенной, постоянно поправляла салфетки и старалась не встречаться с отцом взглядом.

Неприятность произошла спустя несколько минут. Полина потянулась за салфеткой, лежавшей возле хлебницы, и случайно задела локтем высокий стакан с яблочным соком. Стакан опрокинулся, сок разлился по скатерти и начал стекать на край стола. Девочка испуганно вскрикнула и сразу попыталась поднять стакан, но жидкость уже попала на её платье. Олеся быстро встала, чтобы принести полотенце, а Денис потянулся за салфетками. Лидия тоже поднялась, собираясь помочь внучке, но прежде чем кто-нибудь успел что-либо сделать, Пётр резко ударил ладонью по столу.

— Ну вот, полюбуйтесь! — закричал он так громко, что Полина вздрогнула всем телом. — Я же говорил, что она совершенно не умеет себя вести! Сидеть нормально не может, обязательно что-нибудь разольёт или разобьёт. Ты куда смотрела, когда стакан хватала? У тебя что, руки не на месте?

— Пап, перестань, сейчас вытрем, — быстро сказала Олеся, хватая полотенце. — Полина, ничего страшного, отойди

немного. Денис, подними стакан, пожалуйста, а я скатерть промокну. Всё нормально, никто не пострадал.

— Как это ничего страшного? — ещё громче возмутился Пётр, не обращая внимания на дочь. — Вот поэтому она у вас такая и растёт! Что ни сделает, всё ничего страшного. А ты чего стоишь и ревёшь? Сама разлила, сама и убирай! Нечего теперь слёзы лить.

Полина действительно заплакала. Сначала она только испуганно смотрела на дедушку, не понимая, почему обычная неловкость вызвала такой гнев, но после его последнего окрика слёзы потекли по щекам. Девочка схватила несколько бумажных салфеток и начала торопливо вытирать скатерть, стараясь выполнить приказ. Руки у неё дрожали, салфетки быстро размокли, и одна из них прилипла к краю тарелки. Полина попыталась её убрать, неловко задела посуду, и тарелка соскользнула со стола. Раздался резкий звон, осколки рассыпались по полу, а девочка от испуга отступила назад и закрыла лицо ладонями.

— Вот теперь ещё и посуду перебила! — выкрикнул Пётр, вскакивая со стула. — Я что вам говорил пять минут назад? Никакого воспитания! Абсолютно никакого! Семь лет ребёнку, а ведёт себя как маленькая! И ты, Олеся, ещё удивляешься, почему я замечания делаю?

— Пётр, немедленно прекрати! — Лидия тоже поднялась, отодвигая стул так резко, что тот ударился о стену. — Ты на кого кричишь? На маленького ребёнка из-за стакана сока?

Ты себя вообще слышишь? Она испугалась, вот и уронила тарелку! Не смей больше на неё орать!

Она обошла стол и подошла к Полине, которая теперь плакала уже навзрыд. Девочка пыталась что-то сказать, но от волнения у неё не получалось произнести ни слова. Лидия осторожно взяла внучку за плечи и отвела подальше от осколков, одновременно поглядывая на мужа. Пётр стоял возле своего стула, тяжело дышал и смотрел на жену с таким возмущением, словно она только что совершила совершенно немыслимый поступок.

— Не указывай мне, как разговаривать с собственной внучкой! — приказал он, резко выпрямившись. — Я прекрасно вижу, что здесь происходит. Ребёнок совершенно распущенный, родители ей всё позволяют, а ты ещё защищаешь. Именно поэтому никакого порядка в семье нет! И нечего меня выставлять виноватым, когда я справедливое замечание сделал!

— Справедливое замечание? — Лидия повернулась к мужу, всё ещё придерживая плачущую Полину за плечо. — Ты на неё так заорал, что она теперь слова сказать не может! Какая тебе разница, кто стакан опрокинул? Вытерли бы и забыли через пять минут! Посмотри, до чего ты ребёнка довёл, и попробуй хотя бы раз признать, что сам неправ!

Олеся стояла возле дочери, пытаясь успокоить её, и выглядела совершенно растерянной. Денис быстро собрал крупные осколки тарелки, затем отложил их и подошёл к же-

не с ребёнком. Он взял Полину на руки, прижал к себе и начал тихо объяснять, что она ничего страшного не сделала, а тарелки иногда разбиваются у всех. Девочка обхватила отца за шею и уткнулась лицом в его плечо. Лидия с облегчением увидела, что Денис увёл ребёнка подальше от стола, но тут же снова повернулась к Петру, который продолжал возмущаться.

— Ты опять начинаешь! — сердито заявил муж, обращаясь к жене. — Я сделал замечание, а ты устроила целое представление. При дочери, при зяте, при ребёнке! Тебе обязательно надо выставить меня каким-то чудовищем? Не можешь хоть один раз промолчать, когда тебя не спрашивают?

— Не могу, когда ты кричишь на семилетнюю девочку! — выкрикнула Лидия, чувствуя, как от злости у неё дрожат руки. — И молчать не собираюсь! Ты взрослый мужчина, почти шестьдесят лет прожил, а ведёшь себя хуже ребёнка! Тебе самому не стыдно? Полина теперь боится на тебя посмотреть, а ты всё про своё уважение рассуждаешь!

Пётр побагровел. Лидия прекрасно понимала, насколько сильно задели его последние слова, поскольку муж особенно болезненно воспринимал любые замечания относительно собственного возраста и поведения. Она знала, что сейчас он начнёт кричать ещё громче, но впервые за долгое время совершенно не испытывала желания остановиться ради сохранения спокойствия. Перед глазами стояла плачущая внучка, которая ещё несколько минут назад с восторгом рассказы-

вала о школе, а теперь боялась поднять голову с отцовского плеча. Лидия чувствовала такую сильную обиду за ребёнка, что собственные прежние ссоры с Петром вдруг показались ей незначительными по сравнению с происходящим.

— Следи за словами, Лидия! — произнёс муж, делая шаг к ней. — Ты забываешься. Я тебе не мальчишка, чтобы ты со мной в таком тоне разговаривала. Дома мы ещё обсудим, что ты себе позволяешь, а сейчас изволь замолчать и не позорь меня перед людьми!

— Перед какими людьми, Пётр? — возмущённо спросила Лидия, оглядываясь на дочь и зятя. — Это твоя семья! Твоя дочь, твой зять, твоя внучка! Ты сам только что устроил здесь такой скандал, что ребёнок до сих пор плачет, а теперь меня обвиняешь? Нет уж, дорогой, на этот раз не получится сделать вид, будто виновата я одна!

— Мам, пап, ну хватит! — Олеся наконец вмешалась, и голос её заметно дрожал. — Пожалуйста, прекратите оба. Полина и так перепугалась, а вы ещё сильнее ругаетесь. Пап, ну не надо было так кричать, она же случайно всё разлила. Мам, и ты тоже успокойся, пожалуйста, а то сейчас вообще непонятно что будет.

Лидия повернулась к дочери и на мгновение растерялась. Она ожидала, что Олеся поддержит её, поскольку сама видела, как Пётр напугал ребёнка. Но дочь смотрела на родителей с одинаковым испугом, словно не замечала разницы между грубым окриком взрослого мужчины и попыткой за-

щитить маленькую девочку. Лидии стало особенно обидно от этой несправедливости, однако она сдержалась, понимая, что Олеся сейчас и без того находится в тяжёлом положении.

— Олесенька, я успокоюсь, — ответила она, стараясь говорить тише. — Только пусть твой отец сначала извинится перед Полиной. Он её напугал, обидел, а теперь ещё делает вид, будто ничего особенного не произошло. Разве так можно с ребёнком обращаться?

— Извиняться? — переспросил Пётр, словно не поверив собственным ушам. — Перед семилетней девочкой? За то, что сделал ей замечание? Лидия, ты окончательно потеряла голову! Я всю жизнь детей воспитывал и прекрасно знаю, как с ними надо разговаривать. А если вам здесь всем не нравится, как я себя веду, можете и дальше растить её без всякого порядка!

Денис, который до этого пытался успокоить дочь, наконец вмешался более решительно. Он осторожно передал Полину Олесе, попросил жену отвести девочку в комнату и подошёл к столу. Лидия заметила, что зять очень рассержен, хотя изо всех сил старается не повышать голос. Ей стало неприятно, что семейный обед дошёл до такого состояния, но ещё больше возмущало упрямство Петра, который даже теперь не желал признать собственной неправоты.

— Пётр Иванович, вы действительно переборщили, — сказал Денис, глядя тестю прямо в лицо. — Полина ничего такого не сделала, чтобы на неё так кричать. Мы сами раз-

берёмся, как воспитывать дочь, и я очень прошу больше не разговаривать с ней подобным образом. Она вас любит, ждала сегодня, а теперь даже смотреть в вашу сторону боится.

Пётр медленно повернулся к зятю. Его лицо стало ещё темнее, и Лидия сразу поняла, что последняя попытка спокойно объяснить ему ситуацию тоже закончится плохо. Муж никогда не любил, когда Денис говорил с ним подобным тоном, особенно если речь заходила о семейных вопросах. Он считал, что молодой человек должен благодарить его за советы, а не пытаться устанавливать собственные правила.

— Ты мне сейчас будешь объяснять, как детей воспитывать? — спросил Пётр, презрительно усмехнувшись. — Я, между прочим, свою дочь вырастил, и ничего, нормальным человеком получилась. А у вас девочка уже сейчас взрослых не слушается. Может, сначала сами научитесь порядок поддерживать, а потом будете мне замечания делать?

— Папа, прекрати! — Олеся остановилась у дверей комнаты с Полиной на руках. — Денис ничего плохого не сказал, он просто защищает нашу дочь. Я тебя очень прошу, давайте на этом закончим. Мы хотели нормально посидеть, а теперь все переругались. Мне уже самой хочется плакать, честное слово.

Пётр резко отодвинул стул и направился в прихожую. Лидия наблюдала за ним, понимая, что муж сейчас собирается продемонстративно уехать, как делал уже неоднократно после семейных ссор. Обычно она старалась его остано-

вить, просила хотя бы допить чай, объясняла, что никто не хотел его обидеть. Пётр немного сердился, высказывал ещё несколько неприятных замечаний, но в конце концов оставался, и все делали вид, будто ничего особенного не произошло. Сегодня Лидия впервые не захотела повторять привычный порядок.

— Всё, я больше здесь находиться не собираюсь, — объявил Пётр, надевая куртку. — Приехал к родной дочери, хотел нормально пообщаться с семьёй, а в результате меня выставили каким-то злодеем. Спасибо, конечно, за гостеприимство! В следующий раз хорошенько подумаю, стоит ли вообще приезжать.

Олеся хотела было что-то ответить, но Денис осторожно коснулся её плеча. Лидия увидела, что дочь готова снова начать оправдываться перед отцом, и почувствовала новый прилив раздражения. Пётр стоял возле двери и явно ожидал, что кто-нибудь попросит его остаться. Однако вместо привычных уговоров жена спокойно подошла к вешалке и помогла снять с крючка шарф, который он не заметил.

— Если хочешь ехать, езжай, — сказала Лидия, протягивая ему шарф. — Но сначала хотя бы посмотри, что ты здесь устроил. Полина весь день нас ждала, Олеся старалась, готовила, а ты из-за стакана сока испортил всем настроение. И теперь ещё ждёшь, что тебя уговаривать будут!

Пётр выхватил шарф из её рук. Некоторое время он смотрел на жену с откровенной злостью, затем резко открыл

дверь и остановился на пороге. Лидия слишком хорошо знала это выражение лица и понимала, что муж сейчас произнесёт что-нибудь особенно неприятное, чтобы последнее слово обязательно осталось за ним.

— Собирайся, Лидия, — приказал он. — Поедем домой. Я с тобой там серьёзно поговорю, раз уж ты здесь совсем перестала понимать, что себе позволяешь. И не заставляй меня ждать, я уже достаточно сегодня натерпелся.

— Я никуда с тобой сейчас не поеду, — ответила Лидия, чувствуя, как снова начинает сердиться. — Останусь с Олесей и Полиной, помогу здесь всё убрать и успокою ребёнка. А ты можешь ехать, если тебе так хочется. Не маленькая, сама потом домой доберусь.

Пётр несколько секунд молчал, словно не сразу понял смысл услышанного. Раньше жена могла возражать, сердиться и даже кричать на него, но обычно всё-таки старалась не доводить семейные ссоры до окончательного разрыва. Теперь она стояла перед ним совершенно решительная и явно не собиралась выполнять приказ. Особенно сильно мужчину задело, что всё происходило в присутствии дочери и зятя, которые прекрасно слышали их разговор.

— Значит, так? — спросил Пётр, с трудом сдерживая злость. — Хорошо, Лидия, запомни свои слова. Потом только не жалуйся, когда дома будем разбираться. Я тебе этого представления не забуду, можешь даже не сомневаться!

— И не надо забывать, — сердито ответила женщина. —

Может, хоть вспомнишь, как сегодня на внучку кричал. Потому что мне кажется, ты уже сейчас уверен, будто вообще ничего плохого не сделал. Поезжай, Пётр, мы потом поговорим.

Муж ещё несколько мгновений стоял на пороге, очевидно рассчитывая, что Лидия передумает. Затем он резко вышел на лестничную площадку и так сильно захлопнул дверь, что Олеся невольно вздрогнула. Из-за двери послышались удаляющиеся шаги, а затем всё стихло. Лидия некоторое время смотрела на входную дверь, чувствуя, как напряжение постепенно сменяется тяжёлой усталостью. Ей хотелось присесть, выпить воды и хотя бы несколько минут никого не видеть, но из комнаты уже донёсся тихий плач Полины.

Денис первым отправился к дочери, а Олеся осталась стоять возле кухни, совершенно растерянная и расстроенная. Лидия вернулась к столу, собрала испачканные салфетки и начала помогать убирать посуду, хотя прекрасно понимала, что сейчас от неё почти никакой пользы. На скатерти оставалось большое влажное пятно от сока, возле стула лежала забытая детская ложка, а пирог, который она с таким удовольствием пекла утром, так и стоял нетронутым в коробке. Женщине стало горько от того, как быстро несколько часов приятного семейного общения превратились в очередной скандал. Особенно обидно было вспоминать радостную Полину, которая встречала гостей в прихожей и без конца рассказывала о своих рисунках.

— Мам, ну зачем ты так? — неожиданно спросила Олеся, остановившись напротив неё. — Ты же знаешь папин характер, зачем надо было ещё сильнее его злить? Я понимаю, он неправильно себя повёл, но можно было не спорить с ним при Полине. Теперь ребёнок вообще неизвестно когда успокоится.

Лидия медленно положила салфетки на стол и посмотрела на дочь. Ей показалось, что она ослышалась, настолько несправедливыми прозвучали эти слова после всего произошедшего. Олеся стояла перед ней с покрасневшими глазами, и Лидия прекрасно видела, что дочери действительно тяжело. Но именно сейчас ей совершенно не хотелось снова принимать на себя ответственность за чужой гнев.

— Ты сейчас серьёзно, Олеся? — спросила она, стараясь говорить спокойно, хотя голос уже начал дрожать. — Твой отец накричал на ребёнка, довёл её до слёз, устроил скандал при всех, а виновата опять я? Потому что не промолчала? Ты хочешь сказать, что мне надо было сидеть за столом и смотреть, как он пугает твою дочь?

— Я не говорю, что ты виновата, — устало ответила Олеся, опуская глаза. — Просто ты же прекрасно знаешь, что папа не любит, когда ему возражают. Особенно при Денисе. Можно было потом поговорить, когда он успокоится, а не устраивать всё это прямо за столом. Ты ведь знаешь, что спорить с ним бесполезно.

— Знаю, — резко ответила Лидия. — Тридцать два года

знаю, Олесь! Я всю жизнь стараюсь угадать, когда с ним можно разговаривать, а когда лучше молчать. И что, теперь ты хочешь, чтобы я ещё твою дочь этому учила? Чтобы Полина с семи лет запоминала, когда дедушке можно возражать, а когда лучше сидеть тихо и бояться лишний раз пошевелиться?

Олеся отвернулась к окну и некоторое время молчала. Лидия видела, что дочь старается справиться с волнением, и сама постепенно начинала жалеть о резкости последних слов. Ей не хотелось ссориться ещё и с Олесей, особенно после такого неприятного обеда. Но она совершенно не могла понять, почему дочь снова пытается оправдать отца, хотя сама едва не расплакалась из-за его поведения. Лидия подошла к столу, взяла полотенце и начала вытирать оставшуюся влагу, стараясь занять руки.

— Мам, я просто не хочу, чтобы вы каждый раз так ругались, — наконец произнесла Олеся, обернувшись к ней. — Ты думаешь, мне приятно всё это слушать? Я с детства помню, как папа сердился из-за каких-нибудь мелочей, а ты потом весь вечер пыталась его успокоить. Я всегда боялась, что он опять начнёт кричать. Даже когда маленькая была, заранее смотрела, в каком он настроении пришёл с работы.

Лидия медленно выпрямилась. Она знала, что дочери приходилось видеть семейные ссоры, но прежде никогда не слышала от неё настолько откровенного признания. В памяти неожиданно всплыло несколько неприятных случаев из

далёкого прошлого: маленькая Олеся, осторожно выглядывающая из своей комнаты, Пётр, раздражённо отчитывающий жену из-за беспорядка на кухне, и собственные слова, которыми Лидия просила дочь не шуметь, потому что папа устал. Тогда всё это казалось ей обыкновенными семейными неприятностями, которые случаются практически у всех. Теперь, глядя на взрослую дочь, она впервые задумалась, насколько сильно те события могли повлиять на неё.

— Олесь, почему ты раньше мне об этом не говорила? — спросила Лидия, отложив полотенце. — Я ведь старалась, чтобы у тебя было нормальное детство. Ты же знаешь, папа тебя любил, всегда заботился. Я думала, ты понимаешь, что наши с ним ссоры к тебе никакого отношения не имеют.

— Понимала, наверное, — тихо ответила Олеся, вытирая глаза. — Только когда маленькая, это всё не так просто. Папа сердится, ты расстраиваешься, дома никто нормально не разговаривает. И мне всё время хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы вы опять помирились. Я даже оценки иногда боялась показывать, если знала, что папа не в настроении. Помнишь, как я во втором классе четвёрку по математике получила и до вечера прятала дневник?

Лидия помнила тот случай. Пётр действительно тогда рассердился, хотя никакой серьёзной причины для этого не было, и долго объяснял дочери, что хорошие ученики не должны получать плохих оценок. Она сама потом успокаивала Олесю, обещала поговорить с мужем и уверяла девочку, что

папа скоро перестанет сердиться. Но сейчас память о том вечере вызвала у неё совсем другие чувства. Лидия вдруг подумала, что дочери, возможно, нужно было не объяснение отцовского характера, а простая уверенность, что никто не имеет права кричать на неё из-за школьной отметки.

— Я помню, — ответила она после паузы. — Только мне казалось, что мы тогда всё быстро уладили. Я даже не знала, что ты до сих пор об этом вспоминаешь. Олесь, мне очень жаль, если ты действительно столько всего боялась. Я ведь никогда не хотела, чтобы ты росла с таким чувством.

— Да я знаю, мам, — ответила дочь, снова подходя к столу. — Ты всегда старалась, чтобы дома было хорошо. Просто иногда мне кажется, что вы с папой так привыкли ругаться, что уже сами не замечаете, как это со стороны выглядит. Я сегодня на Полину смотрела и вдруг вспомнила себя маленькую. Она же так испугалась, будто что-то ужасное сделала, а ведь всего лишь сок разлила.

Лидия почувствовала, как у неё защипало глаза. Она отвернулась к раковине, не желая расплакаться перед дочерью, и начала складывать грязную посуду. Ей было больно осознавать, что даже взрослая Олеся продолжает бояться отцовского гнева и теперь старается уберечь от него собственного ребёнка теми же способами, которыми когда-то пользовалась сама Лидия. Однако женщина прекрасно понимала, что не имеет права обвинять дочь за подобную осторожность. Слишком много лет она сама объясняла Олесе, что с Петром

лучше не спорить, особенно если он устал или раздражён.

— Только ты всё равно зря на меня сердишься, — сказала Лидия, повернувшись к дочери. — Я ведь Полину защищала, Олесь, а не с твоим отцом решила поссориться. Если бы он просто сделал замечание и успокоился, ничего бы не произошло. Но он же начал на неё орать! И ты сама видела, до чего ребёнка довёл. Неужели мне надо было сидеть и молчать?

Олеся долго смотрела на мать, затем медленно покачала головой. Она уже не пыталась оправдывать отца, но было видно, что пережитое всё ещё не давало ей успокоиться. Женщина подошла к раковине, взяла чистое полотенце и начала вытирать тарелки, которые Лидия только что вымыла. Некоторое время они работали молча, и в этой обычной домашней возне постепенно исчезла прежняя напряжённость. Лидия чувствовала себя измученной, но одновременно испытывала странное облегчение от того, что наконец смогла поговорить с дочерью о вещах, которые много лет оставались между ними почти запретными.

Вскоре из комнаты вышел Денис с Полиной. Девочка уже перестала плакать, но лицо у неё оставалось расстроенным, а глаза покраснели. Она осторожно подошла к бабушке и обняла её за талию, после чего подняла голову и посмотрела так серьёзно, что у Лидии снова сжалось сердце. Женщина присела перед внучкой, поправила выбившуюся прядь волос и спросила, не хочет ли та наконец показать приготовленный

рисунок.

— Бабушка, а дедушка теперь на меня сердиться будет? — негромко спросила Полина, не отпуская её руки. — Я же нечаянно стакан уронила, честно. Я не специально, я просто салфетку хотела взять. А тарелка потом сама упала, когда я сок вытирала. Он теперь больше к нам не приедет?

Лидия почувствовала, как внутри снова поднимается злость на Петра. Ей захотелось немедленно позвонить мужу и заставить его услышать этот вопрос, произнесённый испуганным ребёнком. Она уже представила, как он начнёт оправдываться, обвинять Олесю и объяснять, что всё произошло исключительно из-за плохого воспитания. Но Полина продолжала смотреть на неё, ожидая ответа, и Лидия заставила себя отложить разговор с мужем на потом. Сейчас важнее было успокоить внучку, которая совершенно не понимала, почему любимый дедушка так сильно рассердился.

— Полинушка, послушай меня внимательно, — сказала Лидия, обнимая девочку. — Ты ничего плохого не сделала. Стаканы иногда падают, тарелки разбиваются, даже у взрослых. Я сама недавно чашку разбила, и ничего страшного не случилось. Дедушка неправильно поступил, когда начал на тебя кричать, и тебе не за что просить прощения. Понимаешь меня, хорошая моя?

— А он говорил, что я невоспитанная, — прошептала Полина, прижимаясь к бабушке. — Я же старалась хорошо сидеть, как он сказал. И суп весь съела, хотя там морковка бы-

ла. Я думала, он меня похвалит, а он всё равно рассердился.

Лидия не выдержала и крепче обняла внучку. Она почувствовала, как Денис подошёл ближе, а Олеся тихо всхлипнула у неё за спиной. Полина продолжала прижиматься к бабушке, и женщина долго гладила её по волосам, стараясь успокоить. Ей хотелось сказать ребёнку, что дедушка обязательно попросит прощения и больше никогда не станет кричать, но Лидия слишком хорошо знала мужа, чтобы давать подобные обещания. Вместо этого она объяснила, что родители и бабушка всегда будут рядом и не позволят никому обижать девочку из-за случайных ошибок.

— Ты у нас очень хорошая девочка, — добавила Лидия, отстраняясь, чтобы посмотреть внучке в глаза. — И мама с папой тебя любят, и я люблю. А если дедушка сегодня рассердился, это совсем не значит, что ты сделала что-то ужасное. Не надо теперь из-за этого переживать. Давай лучше посмотрим твой рисунок, я ведь с самого утра собиралась его увидеть.

Полина некоторое время ещё сомневалась, но затем кивнула и отправилась в комнату за альбомом. Денис пошёл вместе с ней, по дороге тихо объясняя, что после обеда они обязательно соберут новый набор для рисования. Лидия поднялась с пола и посмотрела на дочь, которая стояла возле кухонного стола, прижимая полотенце к груди. Олеся выглядела настолько расстроенной, что женщина сама подошла к ней и осторожно обняла за плечи.

— Не надо, Олесь, — тихо сказала Лидия, заметив слёзы на её лице. — Всё уже закончилось, Полина успокоится. Только ты сама подумай, как мы до такого дошли. Я ведь тоже всю жизнь старалась, чтобы твой отец не сердился, а теперь смотрю на вас и понимаю, что всё повторяется. Не хочу я больше такого, честное слово, не хочу.

Олеся прижалась к матери и некоторое время молчала. Лидия чувствовала, что дочь плачет, и не пыталась заставить её немедленно успокоиться. Им обеим было тяжело после случившегося, а впереди наверняка предстоял ещё один неприятный разговор с Петром. Однако сейчас женщина впервые не испытывала желания поскорее вернуться домой, чтобы сгладить мужнино недовольство. Она хотела остаться с дочерью, помочь ей привести кухню в порядок, посидеть с внучкой и хотя бы немного исправить испорченный воскресный день.

Постепенно обстановка в квартире стала спокойнее. Денис помог убрать осколки и заменить скатерть, Олеся достала пирог, а Полина принесла свой рисунок, который так долго собиралась показать бабушке. На большом листе был изображён дом с красной крышей, возле которого стояли несколько человек, держась за руки. Девочка подробно объяснила, что здесь нарисованы мама, папа, бабушка и она сама, а рядом находится маленькая собака, которую родители пока не разрешают заводить. Лидия внимательно рассматривала рисунок, задавала вопросы и хвалила внучку за акку-

ратно раскрашенные цветы. Она заметила, что дедушки на картине нет, но ничего не сказала, не желая снова напоминать Полине о неприятном происшествии.

Ближе к вечеру Лидия начала собираться домой. Олеся предлагала остаться ещё немного, Денис обещал отвезти тёщу на машине, но женщина отказалась, объяснив, что вызовет такси и спокойно доберётся сама. Ей хотелось немного побыть одной и обдумать произошедшее, прежде чем снова встретиться с мужем. Полина проводила бабушку до двери, ещё раз обняла её и попросила приехать на следующих выходных. Лидия пообещала обязательно приехать, если Олеся будет не против, и улыбнулась, увидев, как дочь энергично закивала.

— Мам, ты только дома с папой опять не ругайся, пожалуйста, — тихо попросила Олеся, помогая ей надеть пальто. — Я понимаю, что ты расстроилась, но вы же оба сегодня наговорили лишнего. Может, лучше завтра поговорить, когда успокоитесь? Не хочу, чтобы вы из-за нас ещё сильнее поссорились.

Лидия посмотрела на дочь и почувствовала знакомую усталость. Ей хотелось ответить, что очередная ссора с Петром уже не зависит от желания Олеси и что муж наверняка встретит её новыми обвинениями. Но она увидела, с какой тревогой дочь ожидает ответа, и решила не продолжать неприятный разговор. Женщина осторожно поправила Олесе воротник домашнего платья и взяла её за руку.

— Не переживай за нас, — ответила Лидия. — Ты лучше с Полиной побудь, ей сегодня и так досталось. А мы с твоим отцом сами разберёмся, давно пора. Только ты больше не думай, будто должна нас постоянно мирить. У тебя своя семья, свои заботы, и совершенно незачем отвечать ещё и за наши с ним отношения.

Олеся кивнула, хотя Лидия прекрасно видела, что дочь не слишком успокоилась. Они обнялись на прощание, и женщина вышла на лестничную площадку. Пока она спускалась к подъезду, в памяти снова возникали отдельные сцены прошедшего дня: радостная Полина в прихожей, недовольное лицо Петра за столом, испуганный детский плач и растерянная Олеся, умолявшая родителей прекратить ссору. Лидия всё ещё чувствовала злость, но теперь к ней примешивалась тяжёлая обида на мужа, который сумел испортить даже такой простой и приятный семейный день. Ей хотелось понять, когда именно он перестал считаться с чувствами близких людей и почему все остальные так долго позволяли ему вести себя подобным образом.

Такси приехало через несколько минут. Лидия устроилась на заднем сиденье, назвала адрес и отвернулась к окну, наблюдая за вечерними улицами. В городе уже зажигались фонари, прохожие торопились домой, а на мокром асфальте отражались огни проезжавших машин. Женщина достала телефон и обнаружила несколько пропущенных звонков от мужа. Пётр звонил дважды за последний час, но сообщений не

оставил. Лидия некоторое время смотрела на экран, затем убрала телефон в сумку, решив не начинать разговор по дороге. Она слишком хорошо представляла, каким тоном муж станет спрашивать, почему она так долго задержалась у дочери, и не хотела обсуждать произошедшее в присутствии постороннего человека.

По дороге Лидия невольно вспомнила, как много лет назад Пётр впервые привёл её знакомиться со своими родителями. Он тогда очень волновался, всё время держал её за руку и после ужина долго расспрашивал, понравилась ли ей его семья. Позднее, когда родилась Олеся, он часами сидел возле кроватки, боялся разбудить дочь неосторожным движением и сердился, если кто-нибудь разговаривал слишком громко рядом со спящим ребёнком. Лидия прекрасно помнила того молодого мужчину, заботливого и немного неуклюжего в проявлении нежности. Ей было трудно совместить эти воспоминания с сегодняшним Петром, который кричал на семилетнюю внучку из-за разлитого сока и даже не пожелал признать, что напугал ребёнка. Женщина вдруг почувствовала такую сильную тоску по прежним годам, что на глаза навернулись слёзы. Она быстро отвернулась к окну, стараясь справиться с волнением, и несколько минут смотрела на мелькавшие за стеклом дома.

Когда машина остановилась возле подъезда, Лидия уже немного успокоилась. Она расплатилась с водителем, поднялась на свой этаж и остановилась перед знакомой дверью. Из

квартиры доносился звук телевизора, значит, Пётр был дома и, вероятно, ждал её возвращения. Женщина достала ключи, но не сразу вставила их в замочную скважину. Ей вдруг вспомнилось лицо дочери, которая просила не спорить с отцом, и тревожный вопрос Полины о том, будет ли дедушка снова на неё сердиться. Лидия крепче сжала ключи и почувствовала, как прежняя злость вновь возвращается.

Она больше не собиралась делать вид, будто за воскресным обедом произошло обыкновенное недоразумение. Пётр должен был услышать, что его поведение стало невыносимым не только для жены, но и для собственной дочери, а теперь уже и для внучки. Лидия не знала, удастся ли наконец поговорить с мужем спокойно, и прекрасно понимала, что он наверняка потребует извинений за сегодняшнюю ссору. Однако на этот раз она не намеревалась отступать только ради того, чтобы сохранить привычный домашний покой. Женщина открыла дверь, вошла в квартиру и услышала, как в гостиной Пётр выключил телевизор, заметив её возвращение.

ГЛАВА 2. ИЗВИНЯЙСЯ ПЕРЕД ВСЕМИ

Пётр сидел в кресле возле телевизора, хотя экран уже погас, и демонстративно смотрел куда-то в сторону окна. На журнальном столике стояла пустая чашка, рядом лежал пульт, а на подлокотнике валялась газета, которую муж обычно просматривал по воскресеньям. Лидия остановилась в дверях гостиной, ожидая, что он хотя бы повернёт голову и поздоровается, но Пётр продолжал изображать полное равнодушие к её возвращению. Женщина прекрасно знала эту манеру. После каждой серьёзной ссоры муж мог часами делать вид, будто её не существует, а потом неожиданно начинал разговаривать таким тоном, словно именно она обязана была объяснить, почему позволила себе испортить ему настроение. Лидия сняла пальто, повесила его в прихожей и, не дождавшись ни единого слова, отправилась на кухню. Она слишком устала после сегодняшнего обеда, чтобы немедленно вступать в очередную перепалку, но и делать первый шаг к примирению совершенно не собиралась.

На кухне было тепло и душно. Лидия открыла форточку, поставила чайник и достала из шкафа любимую кружку, которую когда-то подарила ей Олеся. На белой керамике были нарисованы маленькие синие цветы, а возле ручки вид-

нелась едва заметная трещинка, появившаяся ещё несколько лет назад. Женщина невольно вспомнила, как дочь выбирала эту кружку на свои первые самостоятельно заработанные деньги, и снова почувствовала тяжёлую обиду за случившееся у неё дома. Перед глазами стояла плачущая Полина, которая так испугалась дедушкиного крика, что даже не могла нормально объяснить, почему опрокинула стакан. Лидия положила телефон на стол и некоторое время смотрела на него, подумывая позвонить Олесе и узнать, успокоилась ли внучка. Однако она решила пока не тревожить дочь, которая и без того провела ужасный вечер. В этот момент за спиной послышались шаги, и Лидия поняла, что Пётр наконец решил прекратить своё демонстративное молчание.

— Ну что, нагулялась? — спросил муж, останавливаясь в дверях кухни. Он скрестил руки на груди и посмотрел на жену с таким выражением, словно она вернулась домой после какого-то совершенно непозволительного поступка. — Может, теперь объяснишь, что это сегодня было? Я специально раньше уехал, чтобы ты успокоилась и подумала над своим поведением, а ты даже позвонить не удосужилась. Хороша жена, ничего не скажешь.

Лидия медленно повернулась к нему. Она ожидала неприятного разговора, но всё равно почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Пётр говорил так уверенно, словно за несколько часов после скандала сумел окончательно убедить себя, что именно он оказался главным по-

страдавшим. Женщина выключила чайник, который только начал закипать, и придвинула к себе стул, но садиться не стала.

— А что я должна была тебе объяснять? — спросила она, глядя мужу прямо в лицо. — Ты прекрасно знаешь, что сегодня произошло. Если тебя интересует Полина, она успокоилась, хотя ещё долго спрашивала, не будешь ли ты на неё сердиться. И Олеся расстроена, и Денис тоже. Вот об этом нам с тобой действительно надо поговорить.

— О Полине мы ещё успеем поговорить, — раздражённо ответил Пётр, проходя к столу. — Только сначала разберёмся с твоим поведением. Ты сегодня позволила себе совершенно недопустимые вещи. Начала орать на меня перед дочерью, при зяте выставила каким-то ненормальным человеком, а потом ещё демонстративно отказалась ехать домой. Ты хоть понимаешь, как это со стороны выглядело?

— Представляю, — ответила Лидия, чувствуя, что начинает сердиться. — Только почему-то ты всё время вспоминаешь исключительно то, что сказала я. А как ты на ребёнка кричал, тебе даже в голову не приходит? Полина всего лишь стакан опрокинула, Пётр. Обыкновенный стакан сока, который можно было за минуту вытереть.

Муж недовольно отодвинул стул и сел, словно собирался провести долгий и обстоятельный разговор, в котором жена наконец признает свою неправоту. Лидия осталась стоять возле плиты, хотя ноги после напряжённого дня замет-

но устали. Она не хотела садиться напротив него, поскольку слишком хорошо помнила, как обычно проходили подобные домашние разбирательства. Пётр устраивался за столом, начинал перечислять её недостатки и постепенно добивался того, что она сама уже не помнила, из-за чего возникла первоначальная ссора. Сегодня женщина решила не позволять мужу уводить разговор в сторону.

— Вот опять ты за своё, — произнёс Пётр, раздражённо постукивая пальцами по столешнице. — Не в стакане дело, Лидия. Дело в том, что ребёнок совершенно не умеет себя вести. Ей семь лет, она уже в школу ходит, а за столом сидеть нормально не научилась. Я сделал справедливое замечание, как любой нормальный дедушка на моём месте, а ты тут же начала на меня нападать. И самое главное, при Денисе! Ты прекрасно знаешь, что он и так считает себя умнее всех, а теперь ещё получил повод учить меня жизни.

— Денис защищал собственную дочь, — резко ответила Лидия. — И правильно делал, между прочим. Это его дом, его ребёнок, и он имеет полное право сказать, что ему не нравится. А ты приехал в гости и решил, что можешь всех там строить, как у себя на работе. Тебя никто не просил воспитывать Полину за обедом!

Пётр поднял глаза и несколько секунд смотрел на жену с откровенным возмущением. Он явно не ожидал, что она продолжит спорить с ним даже теперь, когда они остались наедине и неприятный семейный обед давно закончился.

Обычно Лидия к этому времени начинала говорить значительно мягче, старалась объяснить собственные слова и постепенно переходила к поиску примирения. Сейчас муж не видел в её лице ни малейшего желания уступать, и это раздражало его сильнее самого происшествия.

— Следи за тем, что говоришь, — предупредил он, откидываясь на спинку стула. — Я не собираюсь выслушивать подобные обвинения в собственном доме. Я прекрасно понимаю, почему ты так себя ведёшь. При дочери решила показать характер, перед зятем выставить меня дураком, а теперь хочешь сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Только у тебя этот номер не пройдёт. Я требую, чтобы ты исправила то, что сегодня устроила.

Лидия невольно усмехнулась. Последние слова прозвучали настолько привычно, что она почти заранее могла перечислить, чего именно потребует муж. Ему всегда было недостаточно обычного примирения после ссоры. Если Пётр считал себя обиженным, он непременно добивался признания собственной правоты, причём желательно в присутствии тех людей, при которых произошёл конфликт. Когда-то Лидия действительно соглашалась на подобные условия, лишь бы прекратить бесконечные выяснения отношений, но с каждым годом ей становилось всё неприятнее вспоминать собственные извинения за вещи, в которых она не считала себя виноватой.

— И что же я должна сделать? — спросила женщина, на-

конец усаживаясь напротив мужа. — Давай, рассказывай, как на этот раз собираешься восстанавливать свою справедливость. Только сразу предупреждаю, Пётр, извиняться за то, что защитила Полину, я не буду. Можешь даже не начинать.

— Будешь, — уверенно ответил муж, подаваясь вперёд. — И не передо мной одним. Сейчас позвонишь Олесе, попросишь, чтобы Денис тоже подошёл к телефону, и при них обоих объяснишь, что погорячилась. Скажешь, что я сделал внучке совершенно справедливое замечание, а ты устроила скандал на пустом месте. Мне не нужны твои театральные раскаяния, достаточно обычного признания, что ты была неправа. Тогда и будем считать вопрос закрытым.

Лидия некоторое время молчала, пытаясь понять, действительно ли муж настолько не замечает чудовищности собственных требований. Он хотел заставить её позвонить дочери, которая сама едва успокоилась после семейного скандала, и объявить, будто единственной причиной произошедшего стало её поведение. Получалось, что Полина должна была услышать от взрослых, что дедушка совершенно правильно на неё накричал, а бабушка зря вмешалась и теперь просит за это прощения. От подобной мысли женщине стало настолько неприятно, что она резко отодвинула кружку, стоявшую возле её руки.

— Ты в своём уме, Пётр? — спросила она, уже не пытаясь скрыть возмущение. — Ты хочешь, чтобы я позвонила

Олесе и сказала, будто сама виновата в сегодняшнем скандале? Чтобы Денис после этого решил, что имеет полное право позволять тебе кричать на его дочь? Нет уж, дорогой, даже не рассчитывай. Если кто и должен звонить Олесе с извинениями, так это ты. И не только перед дочерью, а прежде всего перед Полиной!

— Хватит! — рявкнул Пётр, ударив ладонью по столу. — Я не позволю тебе разговаривать со мной подобным образом! Ты сегодня уже достаточно наговорила, а теперь ещё дома продолжаешь. Я твой муж, между прочим, а не мальчишка какой-нибудь, которого можно отчитывать за каждую мелочь. Если я сказал, что нужно извиниться, значит, ты должна хотя бы подумать, почему я этого требую!

Лидия вздрогнула от резкого удара, хотя прекрасно знала, что Пётр не собирается её бить. Он и раньше позволял себе подобные жесты, когда хотел придать своим словам особую весомость, и каждый раз женщина невольно начинала говорить тише. Сегодня она заметила собственную реакцию и рассердилась ещё сильнее. Получалось, что даже после тридцати двух лет брака мужу достаточно было хлопнуть ладонью по столу, чтобы она на мгновение почувствовала себя провинившейся школьницей.

— А ты прекрати по столу колотить! — возмущённо ответила Лидия, поднимаясь со стула. — Я тебя прекрасно слышу, не надо мне тут представления устраивать. Ты всё время требуешь, чтобы тебя уважали, а сам хоть одного человека в

нашей семье уважаешь? Олесю сегодня при Денисе отчитывал, Полину до слёз довёл, теперь за меня взялся. Тебе самому не надоело разговаривать с близкими, словно они у тебя в подчинении?

Пётр с раздражением отвернулся. Он взял пустую чашку, оставшуюся после утреннего кофе, и несколько секунд рассматривал её, будто пытался удержаться от новых резких слов. Лидия заметила, что муж собирается снова перейти к привычному молчанию, и почувствовала почти физическое желание заставить его наконец ответить на собственные обвинения. Ей надоело, что любой серьёзный разговор заканчивался либо криком, либо демонстративным прекращением общения. Она поставила перед мужем чайник и предложила налить себе чаю, если он хочет продолжать разговор спокойно.

— Не надо мне сейчас никакого чая, — раздражённо ответил Пётр, отодвигая чашку. — И перестань изображать, будто я какой-то тиран. Я всю жизнь стараюсь ради семьи, работаю, обеспечиваю вас, ни в чём не отказываю. Не помню, чтобы ты когда-нибудь голодала или ходила в обносках. А теперь оказывается, что я ещё и плохой муж, потому что потребовал элементарного порядка за столом.

— Вот только не начинай опять рассказывать, что всех нас содержал, — перебила его Лидия. — Я тоже всю жизнь работала, Пётр. И ребёнка растила, и дома всё делала, и после работы ещё успевала твоих друзей принимать, когда тебе

вдруг хотелось посидеть с ними до полуночи. Ты почему-то об этом никогда не вспоминаешь. У тебя получается, что ты один всю семью обеспечивал, а остальные только пользовались твоей добротой.

— Я такого не говорил, — поморщился муж, явно не желая обсуждать её вклад в семейную жизнь. — Конечно, ты тоже работала, никто не спорит. Только давай не будем сравнивать твою зарплату с моей. Я всегда зарабатывал больше, и благодаря этому мы смогли нормально жить. Или ты забыла, как квартиру покупали, как машину меняли, как Олесе на свадьбу помогали?

Лидия почувствовала, как у неё начинает болеть голова. Она слишком хорошо знала подобные разговоры, в которых Пётр неизменно возвращался к собственным заработкам, словно деньги позволяли ему не считаться с желаниями остальных. Женщина никогда не отрицала, что муж много работал и действительно внёс большой вклад в семейное благополучие. Она сама гордилась его успехами, радовалась повышениям и старалась поддерживать в трудные времена. Но каждый раз, когда Пётр использовал свои заслуги как доказательство права распоряжаться женой, Лидия испытывала такую обиду, будто все её собственные усилия вдруг переставали иметь какое-либо значение.

— Не забыла я ничего, — ответила она, стараясь говорить спокойнее. — И сколько ты работал, помню, и как мы квартиру покупали, тоже помню. Только объясни мне одну вещь,

Пётр. Каким образом твоя зарплата связана с тем, что ты сегодня на Полину накричал? Ты ей теперь можешь всё что угодно говорить, потому что когда-то нам на свадьбу деньги дал? Или я должна молчать, поскольку ты больше меня зарабатываешь?

— Опять всё перевернула, — сердито сказал муж, поднимаясь из-за стола. — Я тебе про одно, ты мне совершенно про другое. С тобой невозможно нормально разговаривать! Любое замечание превращаешь в скандал, а потом ещё удивляешься, почему я раздражаюсь. Ты хоть раз можешь признать, что сама виновата?

— Могу, когда действительно виновата, — ответила Лидия, глядя ему вслед. — Я перед Олесей сегодня извинилась за то, что мы испортили ей обед. И перед Полиной извинилась, хотя не я на неё кричала. А ты когда последний раз перед кем-нибудь из нас извинялся? Только по-настоящему, без своего любимого «ну извини, если тебе так хочется»?

Пётр остановился возле окна. Некоторое время он смотрел во двор, где уже давно горели фонари, затем резко обернулся к жене. На лице его появилось выражение искреннего недоумения, словно она спросила о чём-то совершенно нелепом. Лидия вдруг поняла, что муж действительно не может вспомнить случая, когда безоговорочно признал собственную неправоту. Возможно, он и находил когда-то подходящие слова, но за последние годы подобные моменты стали настолько редкими, что женщина уже перестала их ждать.

— Я не собираюсь перед тобой отчитываться, — наконец произнёс Пётр, возвращаясь к столу. — Если сделал что-то неправильно, сам прекрасно понимаю. Только сегодня я ничего плохого не совершил, и не надо пытаться заставить меня извиняться за справедливое замечание. Ты лучше вспомни, сколько раз я терпел твои выходки. На каждом семейном празднике обязательно что-нибудь тебе не понравится, обязательно начнёшь спорить.

Лидия невольно рассмеялась, хотя весёлого в происходящем не было ничего. Слова мужа напомнили ей один из прошлых Новых годов, когда Олеся ещё училась в университете и приехала домой вместе с молодым человеком, с которым тогда встречалась. Пётр за праздничным столом принялся расспрашивать гостя о заработках его родителей, а затем высказал несколько неприятных замечаний относительно выбранной профессии. Лидия тогда попыталась остановить мужа, но он обвинил её в том, что она совершенно не умеет поддерживать разговор. Праздник закончился неприятной ссорой, а молодой человек больше никогда не приходил к ним домой.

— Помнишь, как мы Новый год встречали, когда Олеся ещё студенткой была? — спросила Лидия, подходя к шкафу за сахарницей. — Ты тогда её парня при всех отчитывал, потому что тебе не понравилось, где он собирается работать. Олеся потом весь вечер в комнате плакала, а ты мне объяснял, что просто хотел узнать, способен ли он семью содер-

жать. И кто тогда виноватым оказался? Я, конечно, потому что попросила тебя оставить мальчишку в покое.

— Нашла что вспомнить! — недовольно ответил Пётр, махнув рукой. — Сколько лет прошло, а ты всё какие-то старые обиды собираешь. Кстати, оказался я тогда прав, если хочешь знать. Где теперь этот её ухажёр? Даже не вспоминает о нём никто. А Денис нормальный мужчина, работает, семью обеспечивает. Значит, не зря я тогда интересовался, с кем дочь связывается.

— Денис нормальный мужчина потому, что ты когда-то другого парня обидел? — возмутилась Лидия, ставя сахарницу на стол. — Ты хоть слышишь, что говоришь? Любой свой поступок задним числом оправдать можешь. А то, что Олеся тогда плакала, для тебя вообще значения не имеет. Главное, что ты снова прав оказался.

Муж раздражённо махнул рукой и направился к холодильнику. Лидия некоторое время наблюдала, как он достаёт бутылку воды, наливает себе стакан и пьёт большими глотками. Ей хотелось остановить этот бесполезный разговор, но теперь уже слишком многое накопилось, чтобы снова сделать вид, будто произошёл обыкновенный семейный спор. Она вдруг вспомнила, как на одном из собственных дней рождения несколько лет назад пригласила Тамару и двух коллег, с которыми давно дружила. Пётр тогда вернулся домой усталым, обнаружил гостей и весь вечер демонстративно жаловался на шум. В конце концов женщины ушли гораз-

до раньше, чем собирались, а муж ещё несколько дней напоминал Лидии, что она не подумала о его отдыхе.

— А мой день рождения помнишь? — продолжила Лидия, чувствуя, как снова поднимается злость. — Когда Тамара приходила и девочки с работы? Ты весь вечер ходил с таким лицом, будто я тебе какую-то страшную неприятность устроила. Потом ещё сказал, что нормальная жена должна заранее понимать, когда муж устал. Я ведь тогда даже гостей больше приглашать не хотела, представляешь? На собственный день рождения боялась подруг позвать, чтобы тебе настроение не испортить.

— Господи, Лидия, ну что ты опять устраиваешь? — Пётр раздражённо поставил стакан в раковину. — Я тогда две недели практически без выходных работал. Пришёл домой, хотел спокойно посидеть, а у тебя полный дом людей. Конечно, мне это не понравилось. Ты бы сама попробовала в таком состоянии гостей принимать, посмотрел бы я на тебя.

— Так я же тебя принимать гостей не заставляла! — воскликнула женщина, чувствуя, что голос начинает дрожать. — Мог пойти в спальню, отдохнуть, никто бы слова не сказал. Но тебе обязательно нужно было всем показать, насколько ты недоволен. Чтобы подруги мои поняли, что они здесь лишние, а я потом ещё перед тобой извинялась. И ведь извинилась тогда, Пётр! Сама пришла, попросила прощения, хотя это был мой день рождения.

Она замолчала, внезапно испугавшись собственной от-

кровенности. Прежде Лидия редко позволяла себе так подробно перечислять старые обиды, поскольку прекрасно понимала, что муж воспримет это как попытку обвинить его во всех семейных неприятностях. Обычно она старалась ограничиваться конкретным случаем, объясняла, что именно ей не понравилось, а потом соглашалась забыть происшествие ради сохранения мира. Сегодня же воспоминания появлялись одно за другим, и женщина с удивлением обнаруживала, как много неприятных эпизодов продолжала помнить, несмотря на собственные попытки не возвращаться к ним.

Пётр некоторое время молчал, затем тяжело вздохнул и снова сел за стол. Его лицо выражало такую усталость, словно он уже давно пытался закончить разговор, но жена никак не позволяла ему этого сделать. Лидия прекрасно знала этот вздох. Обычно после него муж начинал говорить о её чрезмерной обидчивости, уверял, что нормальные люди не вспоминают неприятности многолетней давности, и предлагал наконец успокоиться. Она почти заранее представляла следующие слова, но всё равно почувствовала горечь, когда услышала их.

— Я смотрю, ты всю жизнь только и делала, что обиды копила, — произнёс Пётр, покачивая головой. — Странно даже, что столько лет со мной прожила. Если тебе всё так не нравилось, могла бы раньше сказать, а не устраивать сейчас целое представление. Я ведь думал, у нас нормальная семья. Конечно, ссорились иногда, у кого их не бывает? Но ты сей-

час рассказываешь так, будто я тебя всю жизнь мучил.

— Я тебе говорила, — устало ответила Лидия, опускаясь на стул. — И десять лет назад говорила, и пять, и прошлой зимой. Ты просто каждый раз объяснял, что я всё преувеличиваю. Помнишь, как мы после дня рождения Олеси домой ехали? Ты тогда при Денисе сказал, что я вечно лезу в чужие разговоры, а потом всю дорогу доказывал, что ничего обидного не произнёс. Я тебе ещё тогда сказала, что больше не хочу слышать подобные замечания при дочери.

Пётр нахмурился, явно пытаясь вспомнить упомянутый случай, но затем раздражённо отвернулся. Лидия поняла, что он действительно почти не помнит разговора, из-за которого она несколько дней не могла успокоиться. Для мужа это было обыкновенное замечание, произнесённое между делом, а для неё — очередное публичное унижение перед самыми близкими людьми. Женщина невольно подумала, сколько подобных случаев Пётр давно забыл, поскольку никогда не придавал им особого значения. Возможно, именно поэтому он так искренне удивлялся её нынешним обвинениям, считая их выдуманными или чрезмерно раздутыми.

— Ты прекрасно знаешь, что я не люблю, когда мне противоречат при посторонних, — наконец ответил Пётр, постукивая пальцами по столу. — Особенно при Денисе. Мужчина должен сохранять авторитет в собственной семье, иначе потом никто его слушать не станет. А ты всегда норовишь показать, что лучше меня разбираешься абсолютно во всём.

Я же не спорю с тобой при твоих коллегах, не выставляю тебя дурой на работе. Почему ты считаешь возможным поступать так со мной?

Лидия некоторое время смотрела на мужа, пытаясь понять, как он сумел даже сейчас перевести разговор исключительно на собственный авторитет. Она вспомнила его сегодняшнее поведение у Олеси, испуганную Полину и собственную дочь, которая умоляла родителей прекратить ссору. Женщина вдруг почувствовала необыкновенную усталость от необходимости постоянно объяснять очевидные вещи. Ей хотелось, чтобы Пётр хотя бы на несколько минут перестал думать о том, какое впечатление произвёл на зятя, и вспомнил, что у него есть семилетняя внучка, которая теперь боится собственного дедушку.

— А ты можешь хоть раз подумать не о своём авторитете? — спросила Лидия, с трудом сдерживая раздражение. — Сегодня Полина плакала, Олеся чуть сама не расплакалась, Денис тебя из собственного дома едва не выставил. И что тебя больше всего волнует? Что я при зяте позволила себе с тобой спорить. Пётр, да не нужен никому такой авторитет, если ради него маленький ребёнок должен сидеть и бояться лишний раз пошевелиться!

— Вот именно из-за твоего воспитания Олеся теперь такая, — резко ответил муж, неожиданно переходя в наступление. — Я всю жизнь пытался приучить её к порядку, а ты постоянно жалела, защищала и разрешала всё подряд. Теперь

она со своей дочерью то же самое делает. Хорошо ещё Денис нормальным человеком оказался, хотя и он, смотрю, начинает слишком много себе позволять. А ты сегодня окончательно показала молодым, что со старшими можно разговаривать как угодно.

Лидия почувствовала, как у неё вспыхнули щёки. Обвинение в неправильном воспитании дочери задело её особенно сильно, поскольку именно ради Олеси она когда-то соглашалась терпеть многочисленные семейные неприятности. Пётр много работал, иногда возвращался домой поздно, и большая часть повседневных забот о ребёнке действительно лежала на Лидии. Она занималась школьными делами, ходила на родительские собрания, помогала с уроками, ухаживала за дочерью во время болезней. Пётр тоже любил Олесю, но обычно вмешивался в воспитание тогда, когда считал необходимым потребовать дисциплины или наказать за какую-нибудь провинность. Теперь он совершенно спокойно объявлял, будто все недостатки дочери возникли исключительно по вине жены.

— Не смей мне такое говорить! — возмущённо воскликнула Лидия, резко поднимаясь. — Ты прекрасно знаешь, сколько я с Олесей занималась. И не надо теперь делать вид, будто она выросла хорошим человеком только благодаря твоим окрикам! Дочь у нас замечательная, Пётр, и семья у неё хорошая. А если она сегодня тебя боялась лишний раз остановить, так это тоже результат твоего воспитания. Ты

ведь её с детства приучал, что папе возражать нельзя.

— А тебе, значит, можно? — спросил муж, повышая голос. — Ты у нас теперь самая умная, самая справедливая? Может, вообще объявишь, что я всю жизнь только вред семье приносил? Раз уж начала перечислять мои недостатки, не стесняйся, рассказывай дальше. Я с удовольствием послушаю, какой ужасный человек с тобой тридцать два года прожил.

Лидия открыла рот, собираясь ответить, но неожиданно остановилась. В последних словах мужа прозвучало столько раздражённой насмешки, что ей вдруг стало невыносимо обидно. Она действительно прожила с Петром тридцать два года, и большую часть этого времени считала его самым близким человеком. Когда-то они вместе мечтали о собственной квартире, выбирали имя будущему ребёнку, строили планы на старость. Лидия прекрасно помнила, как муж привёз ей огромный букет ромашек после рождения Олеси, хотя в роддоме тогда не разрешали передавать цветы в палату. Он стоял под окнами, махал ей рукой и смеялся, а она смотрела на него с такой нежностью, что даже сейчас воспоминание об этом дне отзывалось болью.

— Ты ведь не всегда таким был, — неожиданно тихо произнесла она, возвращаясь к столу. — Я же помню тебя другого, Пётр. Помню, как ты с Олесей ночами сидел, когда она маленькая заболела. У неё тогда температура под сорок поднялась, я уже совсем с ног валилась, а ты мне сказал, чтобы

шла спать, и всю ночь возле неё просидел. Помнишь? Утром ещё сам кашу сварил, хотя никогда особенно готовить не любил.

Пётр нахмурился, но на этот раз не перебил жену. Лидия заметила, что он тоже вспомнил тот случай, и почувствовала, как прежняя злость постепенно сменяется тяжёлой грустью. Ей вдруг захотелось поговорить не с нынешним раздражённым мужчиной, а с тем молодым Петром, который когда-то умел жалеть близких и искренне радовался возможности им помочь. Женщина села напротив мужа и некоторое время молчала, собираясь с мыслями.

— И когда я с воспалением лёгких лежала, ты же тогда всё на себя взял, — продолжила она, глядя на его руки. — Сам по магазинам ходил, лекарства привозил, Олесю в школу собирал. Я потом всем рассказывала, какой у меня муж замечательный. И ведь не врала, Пётр. Ты действительно тогда замечательный был. А теперь я на тебя смотрю и не понимаю, куда всё это делось. Почему тебе стало важнее доказать свою правоту, чем просто пожалеть собственного ребёнка или внучку?

Муж отвернулся к окну и некоторое время молчал. Лидия видела, как на его лице сменяются разные выражения, и на мгновение ей показалось, что слова действительно заставили его задуматься. Она даже почувствовала слабую надежду, что сейчас Пётр наконец перестанет спорить и признает хотя бы часть собственной вины. Но муж неожиданно тяже-

ло вздохнул и покачал головой, словно услышал ещё одно несправедливое обвинение.

— Вот видишь, ты сама прекрасно помнишь, сколько я для вас сделал, — произнёс он, вновь поворачиваясь к жене. — А сейчас почему-то считаешь возможным обвинять меня во всех смертных грехах. Я ведь не изменился настолько, как тебе кажется. Просто раньше ты больше со мной считалась, а теперь начала спорить по каждому поводу. Ты сама подумай, когда это всё началось. Может, дело не только во мне?

Лидия почувствовала такое разочарование, что несколько секунд не могла произнести ни слова. Она открылась перед мужем, вспомнила самые дорогие события совместной жизни, попыталась объяснить, насколько больно ей видеть перемены в его характере. А Пётр услышал в её словах исключительно подтверждение собственных заслуг. Женщина вдруг поняла, что он совершенно не хочет говорить о том, каким стал их брак. Мужу необходимо было лишь добиться признания, что все семейные неприятности возникают из-за её чрезмерной вспыльчивости.

— Господи, Пётр, неужели ты действительно ничего не понимаешь? — спросила она, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. — Я тебе говорю, что мне больно, что я устала от постоянных ссор, что больше не хочу каждое утро гадать, в каком ты настроении проснёшься. А ты опять объясняешь, какая я неблагодарная. Ты хоть раз можешь просто выслушать меня, не пытаясь немедленно доказать, что сам во всём

прав?

— Я тебя уже больше часа слушаю, — сухо ответил муж, посмотрев на настенные часы. — И пока услышал только бесконечные претензии. То тебе одно не нравится, то другое, теперь ещё старые болезни вспомнила. Давай уже заканчивать этот разговор. Позвони Олесе, извинись за сегодняшний скандал, и будем жить дальше нормально. Я тоже не собираюсь всю ночь с тобой ругаться.

Лидия медленно вытерла глаза ладонью. Последнее предложение мужа оказалось для неё почти невыносимым, поскольку он говорил о примирении так легко, словно достаточно было совершить маленькую формальность и все неприятности останутся позади. Она представила, как звонит дочери, просит Дениса подойти к телефону и объясняет, что неправильно поступила, защищая Полину. После этого Пётр наверняка снова станет довольным и спокойным, а при следующем семейном обеде будет вести себя точно так же, поскольку убедится, что даже самые отвратительные его поступки рано или поздно заканчиваются чужими извинениями.

— Нет, — ответила женщина, выпрямляясь. — Я Олесе звонить с извинениями не буду. И перед тобой извиняться не собираюсь, Пётр. Если хочешь, можешь сам позвонить дочери и поговорить с ней. Только сначала подумай, что именно собираешься сказать Полине, потому что она сегодня весь вечер переживала из-за твоего крика. А я больше не наме-

рена делать вид, будто во всём виновата.

Пётр раздражённо выдохнул и поднялся из-за стола. Он несколько раз прошёл по кухне, словно не знал, куда деть руки, затем остановился возле холодильника и посмотрел на жену с откровенной неприязнью. Лидия понимала, что муж ожидал совсем другого завершения разговора. По его представлениям, она должна была постепенно успокоиться, признать собственную вспыльчивость и согласиться на примирение. Вместо этого женщина продолжала настаивать на своём, и чем дольше они разговаривали, тем меньше у неё оставалось желания уступать.

— Значит, решила окончательно показать характер? — спросил он, усмехнувшись. — Ну хорошо, Лидия, посмотрим, надолго ли тебя хватит. Я тоже могу не разговаривать, если тебе этого хочется. Только потом не приходи мириться, когда поймёшь, что сама всё испортила. Мне, между прочим, тоже надоело постоянно терпеть твои выходки.

Лидия посмотрела на мужа и вдруг неожиданно для самой себя вспомнила, как несколько месяцев назад уже собиралась поговорить с ним о разводе. Тогда Пётр устроил скандал из-за того, что она задержалась после работы на встрече с коллегами, и почти неделю разговаривал с женой исключительно по необходимости. Лидия настолько устала от напряжённой атмосферы, что однажды вечером начала мысленно представлять, как снимает небольшую квартиру и больше никому не объясняет, во сколько собирается вернуться

домой. Потом муж неожиданно принёс ей цветы, предложил вместе поужинать, и она решила, что всё ещё можно исправить. Теперь женщина понимала, что тогда просто испугалась необходимости менять привычную жизнь.

— Знаешь, Пётр, я ведь уже думала об этом, — медленно произнесла она, глядя мужу прямо в лицо. — Не сегодня впервые. И не после обеда у Олеси. Я уже несколько раз думала, что нам надо разойтись, потому что невозможно постоянно так жить. Только каждый раз надеялась, что ты одумаешься, что мы сможем нормально поговорить, что всё снова станет как раньше. А сегодня я на Полину посмотрела и поняла, что ничего не меняется. Ты и её теперь будешь воспитывать точно так же, как нас с Олесей.

Пётр нахмурился. Последние слова явно застали его врасплох, поскольку прежде жена никогда не произносила подобного настолько прямо. Она могла жаловаться, угрожать уехать к подруге или несколько дней не разговаривать с ним после особенно неприятной ссоры, но обычно старалась избегать самого слова «развод». Пётр внимательно посмотрел на неё, словно пытался определить, насколько серьёзно следует воспринимать услышанное.

— Что значит разойтись? — спросил он, уже без прежней насмешки. — Ты сейчас о чём вообще говоришь? Неужели из-за сегодняшней ерунды решила семью разрушить? Лидия, тебе самой не смешно? Мы с тобой тридцать два года прожили, а ты теперь собираешься куда-то уходить, потому

что я внучке замечание сделал?

— Не из-за замечания, Пётр! — воскликнула женщина, чувствуя, как снова начинает сердиться. — Сколько можно повторять одно и то же? Из-за того, как ты со всеми нами разговариваешь! Из-за того, что любой семейный праздник может закончиться скандалом, если тебе вдруг что-нибудь не понравится. Из-за того, что я уже давно боюсь приглашать к нам людей, потому что не знаю, в каком ты будешь настроении. Я устала от этого, понимаешь? И больше не хочу так жить.

Пётр некоторое время смотрел на жену, затем неожиданно рассмеялся. Смех получился неприятным, с явной издёвкой, и Лидия почувствовала, как у неё болезненно сжалось сердце. Муж откинул голову, покачал ею и снова посмотрел на неё так, словно перед ним стоял капризный ребёнок, придумавший совершенно нелепую угрозу.

— Ну всё, приехали, — произнёс он, продолжая усмехаться. — Теперь у нас развод из-за холодного супа и разбитой тарелки. Лидия, ты себя со стороны слышишь? Тебе пятьдесят пять лет, женщина взрослая, а ведёшь себя как обиженная девчонка. Куда ты собралась уходить, интересно? К Тамаре своей? Или думаешь, что сейчас начнёшь новую жизнь, вокруг тебя сразу поклонники появятся?

Лидия почувствовала, как лицо заливает жаром. Она ожидала возражений, раздражения, даже очередного крика, но откровенная насмешка мужа оказалась неожиданно болез-

ненной. Пётр говорил так, будто сама мысль о самостоятельной жизни жены представлялась ему чем-то смешным и совершенно невозможным. Женщина медленно поднялась со стула и посмотрела на него с такой злостью, что улыбка на его лице постепенно исчезла.

— А тебе какое дело, будут у меня поклонники или нет? — спросила она, стараясь не сорваться на крик. — Я вообще не о мужчинах говорю, Пётр. Я о том, что больше не хочу с тобой жить. И не надо меня возрастом попрекать, прекрасно я знаю, сколько мне лет. Только это совершенно не значит, что теперь обязана до конца жизни терпеть твои выходки.

— Ой, да перестань, — отмахнулся муж, вновь усаживаясь за стол. — Сейчас ты вся такая самостоятельная, а как столкнёшься с настоящими трудностями, сразу вспомнишь, кто тебе всю жизнь помогал. Ты хоть представляешь, сколько стоит отдельное жильё? На свою зарплату собираешься квартиру снимать? Ну попробуй, конечно, если очень хочется. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

— Представляю, — резко ответила Лидия. — И зарплату свою знаю, и расходы умею считать. Я ведь не маленькая, Пётр, как бы тебе ни хотелось думать обратное. И не надо делать вид, будто без тебя я даже до магазина самостоятельно не доберусь. Я столько лет работаю, хозяйство веду, семейные дела решаю. Неужели ты действительно считаешь, что я совершенно беспомощная?

Пётр снова усмехнулся, однако теперь в его лице появи-

лось заметное раздражение. Он понимал, что жена говорит серьёзно, но признать это означало бы допустить возможность настоящего развода, а подобная мысль совершенно не укладывалась в его представления о собственной семье. Лидия всегда была рядом, занималась домашними делами, поддерживала его в трудные моменты и в конце концов неизменно соглашалась на примирение. Муж не мог представить, что женщина, с которой он прожил большую часть жизни, действительно решится уйти из дома только потому, что ей перестал нравиться его характер.

— Да кому ты нужна со своим характером? — неожиданно произнёс он, уже не пытаясь скрывать раздражение. — Ты же любую мелочь в скандал превращаешь, сама сейчас это прекрасно показала. Я тебя тридцать два года терпел, а другой мужчина и месяца не выдержит. Так что не надо рассказывать мне про новую жизнь. Поживёшь одна, быстро поймёшь, что потеряла.

Лидия несколько секунд не могла произнести ни слова. Ей показалось, что муж нарочно выбрал самые обидные слова, какие только сумел придумать, чтобы заставить её пожалеть о сказанном. Она смотрела на Петра и с трудом узнавала человека, который ещё утром помогал ей нести пирог к машине, шутил по дороге и с удовольствием рассказывал старые семейные истории. Женщина невольно вспомнила молодость, первые признания, долгие разговоры перед свадьбой и обещания всегда быть рядом. Теперь тот же мужчина совер-

шенно спокойно объяснял, что она никому не нужна и должна благодарить его хотя бы за то, что он столько лет терпел её присутствие.

— Вот теперь я тебя действительно услышала, — произнесла Лидия, чувствуя, как дрожит голос. — Значит, ты меня всю жизнь терпел? А я-то думала, мы семью вместе строили, дочь растили, заботились друг о друге. Оказывается, ты мне большое одолжение делал, что рядом жил. Ну так больше не придётся, Пётр. Я тебя от этой тяжёлой обязанности освобожу.

— Не передёргивай мои слова! — сердито воскликнул муж, поднимаясь. — Я совсем не это имел в виду, и ты прекрасно понимаешь. Просто надоело слушать, как ты себя несчастной изображаешь. У тебя есть дом, семья, муж, который всю жизнь работает. Чего тебе ещё не хватает? Другие женщины о такой жизни только мечтать могут, а ты решила всё разрушить из-за собственной гордости!

— Мне не хватает нормального отношения, — ответила Лидия, уже не сдерживая слёз. — Чтобы со мной разговаривали по-человечески, чтобы можно было спокойно высказать своё мнение и не ждать, когда ты начнёшь орать. Чтобы я могла пригласить подруг, встретиться с дочерью, провести выходной без твоих замечаний. Неужели это так много, Пётр? Я ведь не требую ничего невозможного. Просто хочу жить спокойно.

Муж раздражённо отвернулся. Он подошёл к окну, по-

правил занавеску, которая слегка сдвинулась из-за открытой форточки, и некоторое время молчал. Лидия продолжала стоять возле стола, вытирая слёзы и пытаясь справиться с волнением. Она не хотела плакать при нём, поскольку прекрасно знала, что Пётр воспринимает слёзы как попытку вызвать жалость и добиться уступок. Но сейчас ей было настолько больно от собственных воспоминаний и услышанных оскорблений, что сдержаться не получалось. Женщина отвернулась к раковине, включила воду и начала мыть совершенно чистую чашку, лишь бы чем-нибудь занять руки.

— Всё, я больше эту ерунду слушать не собираюсь, — наконец произнёс Пётр, возвращаясь к столу. — Ты сегодня явно не в себе, а разговаривать с человеком в таком состоянии бесполезно. Завтра успокоишься, подумаешь нормально, тогда и обсудим. Но сначала извинишься перед Олесей и Денисом за сегодняшний скандал. Без этого я вообще никаких разговоров продолжать не намерен.

Лидия выключила воду и медленно повернулась к нему. Последнее требование мужа прозвучало настолько нелепо после всего сказанного, что женщина даже не сразу нашла слова для ответа. Она только что призналась, что давно задумывается о разводе, рассказала о собственной боли и усталости, выслушала несколько тяжёлых оскорблений. А Пётр снова вернулся к тому, что ей необходимо публично извиниться перед дочерью и зятем. Лидия вдруг почувствовала, что больше не хочет ничего объяснять. Она устала подбирать

слова, вспоминать прошлое и надеяться, что муж наконец поймёт хотя бы часть её чувств.

— Я не буду извиняться, — ответила она, стараясь говорить отчётливо. — И завтра не буду, и через неделю. А насчёт развода я сказала совершенно серьёзно, Пётр. Не собираюсь больше продолжать эту жизнь только потому, что ты уверен, будто мне некуда деваться. Я хочу развестись, и на этот раз ты меня не переубедишь своими угрозами.

Пётр несколько секунд смотрел на жену, затем презрительно усмехнулся. Он явно решил, что дальнейший разговор не имеет смысла, поскольку Лидия слишком сильно рассержена и теперь способна наговорить ещё больше неприятных вещей. Муж взял со стола свою чашку, поставил её в раковину и направился к двери. На пороге он остановился, словно вспомнил нечто особенно важное, и обернулся.

— Хорошо, Лидия, — произнёс он таким тоном, будто объявлял окончательное решение. — Раз тебе так хочется разводиться, можешь пока помечтать об этом. Только я в твоих представлениях участвовать не собираюсь. Когда придёшь в себя и поймёшь, какую глупость наговорила, тогда и поговорим. А до тех пор можешь считать, что меня для тебя здесь вообще нет.

Он вышел из кухни, не дожидаясь ответа. Лидия услышала, как муж прошёл по коридору, открыл дверь спальни и с силой захлопнул её за собой. Через несколько мгновений в квартире стало совершенно тихо. Женщина ещё некото-

рое время стояла возле раковины, прислушиваясь к звукам за дверью, но Пётр больше не появлялся. Она прекрасно понимала, что теперь муж начнёт привычное молчание, рассчитанное на то, чтобы заставить её первой пойти на примирение. Прежде подобное наказание неизменно причиняло ей сильнейшие переживания, но сейчас женщина неожиданно почувствовала облегчение от того, что разговор наконец закончился.

Лидия выключила свет на кухне, затем снова включила его, вспомнив о недопитом чае. Она налила в кружку горячей воды, положила заварку и некоторое время сидела за столом, не притрагиваясь к напитку. Перед глазами всё ещё стояло лицо мужа, когда он насмешливо объяснял, что после пятидесяти она никому не нужна. Женщина пыталась убедить себя, что Пётр говорил исключительно от злости, но прекрасно понимала, насколько искренне прозвучали его слова. Он действительно считал, что жена не решится уйти, поскольку не сможет обойтись без привычной семейной жизни. Возможно, именно поэтому муж и позволял себе всё более грубые замечания, совершенно не опасаясь последствий.

Она вспомнила, как познакомилась с Петром больше тридцати лет назад. Тогда он был высоким, немного застенчивым молодым мужчиной, который умел красиво ухаживать и никогда не забывал о данных обещаниях. Они познакомились через общих друзей, долго гуляли по вечерам, разговаривали обо всём на свете и постепенно начали строить

совместные планы. Пётр казался Лидии надёжным человеком, рядом с которым можно было не бояться жизненных трудностей. Когда он сделал предложение, она согласилась почти сразу, поскольку совершенно искренне верила, что нашла человека, с которым сможет прожить всю жизнь. И ведь многие годы их брак действительно был счастливым. Они пережили трудные времена, вместе растили дочь, радовались первым семейным покупкам и постепенно привыкали к более обеспеченной жизни.

Лидия не могла назвать какой-то один день, после которого Пётр окончательно изменился. Сначала он просто стал чаще раздражаться из-за рабочих неприятностей, затем начал требовать, чтобы дома всё происходило именно так, как ему хотелось. Женщина старалась не обращать внимания на его настроение, объясняла себе, что муж устаёт, много работает и имеет право иногда быть недовольным. Когда появились первые серьёзные ссоры, она пыталась разговаривать с Петром, но тот неизменно обвинял её в чрезмерной чувствительности. Постепенно Лидия сама привыкла заранее думать, понравится ли мужу приготовленный ужин, не рассердится ли он из-за гостей и стоит ли сегодня обсуждать какие-нибудь неприятные новости. Ей казалось, что подобная осторожность помогает сохранять семейный мир, хотя теперь женщина с горечью понимала, насколько мало настоящего спокойствия оставалось в их доме.

Особенно тяжело было вспоминать разговор с Олесей по-

сле сегодняшнего обеда. Лидия всегда считала, что сумела вырастить дочь в любви и заботе, но теперь узнала, сколько детских страхов та продолжала хранить даже во взрослом возрасте. Женщина вспомнила многочисленные вечера, когда просила маленькую Олесю не шуметь, потому что папа вернулся с работы раздражённым. Тогда ей казалось, что она просто старается избежать ненужной семейной ссоры. Но дочь постепенно привыкла считать отцовский гнев чем-то неизбежным, перед чем остальные обязаны уступать. Сегодня уже Полина испугалась дедушки настолько, что пыталась оправдываться за случайно разбитую тарелку. Лидия закрыла лицо ладонями и долго сидела неподвижно, чувствуя, как снова начинают течь слёзы.

Ей было страшно представить, что придётся действительно разводиться. За тридцать два года супруги настолько привыкли друг к другу, что Лидия почти не представляла собственной жизни вне семейной квартиры. Она знала, сколько денег уходит на продукты, коммунальные платежи и повседневные расходы, однако никогда не рассчитывала всё исключительно на себя. Ей предстояло искать отдельное жильё, привыкать к одиночеству, объяснять знакомым причины развода и окончательно признать, что многолетний брак не удалось сохранить. Особенно тяжёлой казалась мысль о том, что Пётр, возможно, действительно перестанет с ней разговаривать и будет обвинять её во всех последующих неприятностях. Лидия прекрасно понимала, насколько бо-

лезненно переживает муж любое поражение собственного самолюбия, и не сомневалась, что развод он воспримет как самое серьёзное унижение.

Однако ещё сильнее её пугала мысль о том, что ничего не изменится. Она представила себя через десять лет, уже шестидесятипятилетнюю женщину, которая по-прежнему старается угадать настроение мужа, избегает неприятных разговоров и просит взрослых родственников не спорить с Петром. Возможно, к тому времени Полина тоже научится молчать за семейным столом, когда дедушка начнёт повышать голос, а Олеся будет всё так же уговаривать мать потерпеть ради спокойствия. От этого представления Лидии стало почти физически дурно. Она поднялась, подошла к окну и распахнула форточку шире, впуская в кухню холодный вечерний воздух.

Некоторое время женщина стояла у окна, глядя на освещённый фонарями двор. Где-то внизу хлопнула автомобильная дверь, несколько прохожих прошли к соседнему подъезду, а на детской площадке ветер медленно раскачивал пустые качели. Лидия вспомнила слова Петра о том, что без него она быстро поймёт, какую ошибку совершила. Муж всегда умел заставить её сомневаться в собственных силах, хотя большую часть повседневных дел она действительно решала самостоятельно. Женщина работала, получала зарплату, занималась домашними расходами, помогала дочери и прекрасно умела справляться с обычными жизненными трудно-

стями. Но стоило заговорить о разводе, как Пётр начинал уверять, что она совершенно беспомощна и не сумеет прожить без его помощи. Лидия с неожиданной злостью подумала, что, возможно, сама слишком долго позволяла мужу внушать ей подобные мысли.

Она закрыла окно, убрала кружку в раковину и отправилась в гостиную. Из спальни не доносилось ни звука, хотя Лидия прекрасно знала, что муж ещё не спит. Раньше после подобных ссор она обычно осторожно открывала дверь, спрашивала, не хочет ли Пётр чаю, и постепенно начинала разговор, стараясь примириться до наступления утра. Сегодня женщина даже не подошла к спальне. Она достала из шкафа запасное одеяло, постелила себе на диване и переоделась в домашнюю одежду. Ей не хотелось снова видеть недовольное лицо мужа, слушать очередные обвинения и оправдываться за слова, которые она действительно считала справедливыми.

Лидия легла, но долго не могла уснуть. В памяти снова возникали отдельные фразы вечернего разговора, причём особенно болезненно вспоминались не самые громкие оскорбления, а спокойная уверенность Петра в том, что она непременно отступит. Он даже не пытался убедить жену сохранить брак из любви или привязанности, не спрашивал, насколько серьёзно она переживает происходящее. Муж лишь напоминал о возрасте, деньгах и собственных заслугах, словно всё это заранее лишало её права самостоятельно ре-

шать свою судьбу. Лидия несколько раз переворачивалась с боку на бок, поправляла подушку и наконец села на диване, поняв, что уснуть всё равно не получится. Она взяла телефон и открыла переписку с Тамарой, собираясь рассказать подруге о сегодняшнем разговоре, но затем посмотрела на часы и решила не тревожить её посреди ночи.

Ближе к двум часам Лидия всё-таки задремала, а проснулась уже после шести, когда за окном едва начинало светать. В квартире стояла тишина, и женщина некоторое время лежала неподвижно, пытаясь понять, почему оказалась на диване в гостиной. Затем она вспомнила вчерашнюю ссору, собственные слова о разводе и насмешливое лицо мужа. В памяти сразу всплыли последние его требования, но теперь они уже не вызывали прежнего желания немедленно оправдываться. Лидия осторожно поднялась, сложила одеяло и отправилась в ванную, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Петра раньше времени.

После душа женщина приготовила себе кофе и достала из нижнего ящика шкафа старую папку с семейными документами. В ней хранились паспорта, свидетельства, бумаги на квартиру и несколько давно забытых справок, которые супруги складывали туда на протяжении многих лет. Лидия положила папку на кухонный стол и некоторое время рассматривала документы, не решаясь открыть нужный раздел. Ей вдруг показалось странным, что обычная бумага, полученная больше тридцати лет назад в день свадьбы, теперь

может понадобиться для окончательного завершения брака. Она хорошо помнила тот февральский день, когда они с Петром стояли в загсе, взволнованные и счастливые, а потом вместе с родственниками отправились отмечать начало семейной жизни. Тогда ей совершенно не приходило в голову, что когда-нибудь она сама станет искать свидетельство о браке, собираясь от этого брака отказаться.

Лидия осторожно достала документ и положила рядом с паспортом. Потом нашла небольшой блокнот, в котором обычно записывала рабочие дела, и на чистой странице написала несколько вопросов, которые собиралась выяснить в ближайшие дни. Ей необходимо было понять, как начать развод, сколько денег потребуется для самостоятельной жизни и где можно снять небольшую квартиру поближе к работе. Женщина не стала сразу строить подробные планы, поскольку сама ещё плохо представляла, сколько времени займут все приготовления. Однако теперь ей впервые было важно не просто произнести слово «развод» во время семейной ссоры, а действительно начать что-нибудь делать.

В этот момент в коридоре послышались шаги. Пётр вышел из спальни, прошёл в ванную и, возвращаясь, заглянул на кухню. Он заметил жену за столом, увидел раскрытую папку, но ничего не спросил. Лидия подняла голову, ожидая хотя бы обычного утреннего приветствия, однако муж демонстративно отвернулся и отправился обратно в спальню. Через несколько минут он появился уже одетым для работы, мол-

ча налил себе кофе и сел на противоположном конце стола. Женщина почувствовала знакомое напряжение, но не стала первой начинать разговор. Она спокойно продолжила просматривать документы, хотя прекрасно понимала, что Пётр наблюдает за ней.

— Что это ты с утра пораньше разбираешь? — наконец спросил муж, заметив лежавшее перед ней свидетельство о браке. В его голосе прозвучала привычная насмешка, но Лидия уловила и лёгкое раздражение. — Неужели вчерашние глупости до сих пор из головы не выкинула? Я думал, за ночь хоть немного успокоишься.

— Не выкинула, — ответила Лидия, аккуратно складывая бумаги обратно в папку. — И успокаиваться в том смысле, который ты имеешь в виду, не собираюсь. Я вчера сказала, что хочу развода, и сегодня думаю точно так же. Мне нужно выяснить, как всё правильно сделать, вот этим и занимаюсь.

Пётр некоторое время смотрел на жену, затем презрительно усмехнулся и отпил кофе. Лидия заметила, что он намеренно старается не показывать собственного беспокойства, поскольку по-прежнему уверен: стоит ему достаточно долго сохранять равнодушие, и она обязательно начнёт сомневаться в принятом решении. Муж не стал продолжать разговор, быстро допил кофе и поднялся из-за стола. Уже в дверях он остановился, словно собираясь что-то сказать, но затем лишь раздражённо махнул рукой и отправился собираться на работу.

Лидия услышала, как в прихожей хлопнула входная дверь, и некоторое время сидела неподвижно, глядя на оставленную мужем чашку. Вчера она ещё надеялась, что серьёзный разговор заставит Петра хотя бы задуматься о собственном поведении. Сегодня женщина уже не ожидала от него никаких извинений и не собиралась снова начинать бесконечные объяснения. Она достала телефон, нашла номер Тамары и решила позвонить подруге после начала рабочего дня, чтобы договориться о встрече. Затем убрала документы в сумку, допила остывший кофе и начала собираться на работу. Лидия прекрасно понимала, что впереди её ждут тяжёлые разговоры, сомнения и множество неприятных решений, но впервые за долгие годы не собиралась отказываться от собственного намерения только потому, что муж считал его недопустимым.

ГЛАВА 3. НЕДЕЛЯ МОЛЧАНИЯ

В понедельник вечером Лидия вернулась с работы немного позднее обычного. День выдался напряжённым, поскольку в центре доп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.